

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич

Летний театр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651415

Аннотация

«Летний сезон умирает. Мы знали почти покойного лично. Почти покойный был лакейского происхождения. В самом деле! Петербург удивительно эволюционировал...»

Содержание

4

Влас Михайлович Дорошевич Летний театр¹

Летний сезон умирает.

Мы знали почти покойного лично.

Почти покойный был лакейского происхождения.

В самом деле! Петербург удивительно эволюционировал.

Много лет тому назад – тогда Рауль де Гинсбург еще не был маркизом²! – один знаменитый русский композитор посетил «Аркадию»³.

Рауль, разумеется, моментально подбежал к великому человеку, наговорил ему с три короба о своем театре, о труппе.

– Да сам-то вы кто? – спросил знаменитый композитор.

– Moi?⁴

Будущий маркиз принял величественную позу.

² ...Рауль де Гинсбург еще не был маркизом! – Гинсбург – см. комм. к очерку «Саша Давыдов».

³ «Аркадия» – увеселительный сад в Петербурге, открытый в конце XIX века.

⁴ Я (фр.).

– Je suis un tragedien, maître!⁵ – отвечал он скромно. Гинсбург и не то еще мог сказать.

Но все-таки Рауль имел некоторое основание сказать, что он «tragedien».

Все-таки он, хоть строил рожи на сцене, изображая Наполеона, Виктора Гюго, Шарля Гуно, зулусского короля Цетевайо⁶.

А теперешнему петербургскому летнему антрепренеру пришлось бы ответить на вопрос: «Да вы-то сам кто такой?»

– Помилте, ваше сиясь! Ужели не изволите припомнить? Неоднократно вам и не в одном ресторане услужал!

Наивный провинциал, попав в Петербург, я первым делом пожелал веселиться и начал ездить по увеселительным садам. Наивность!

– Ну, а скажите, пожалуйста, антрепренер этого театра – он кто? Вероятно, бывший артист?

Мой Вергилий, из петербуржцев⁷, посмотрел на меня с удивлением:

⁵ Я – трагик, метр! (фр.).

⁶ ...изображая Наполеона, Виктора Гюго, Шарля Гуно, зулусского короля Цетевайо. – Имеется в виду «универсальность» репертуара труппы Р. Гинсбурга. Гюго Виктор Мари (1802—1885) – французский писатель. Цетевайо, Цетивайо (Кетчвайо, 1828—1884) – последний правитель независимого зулусского государства, свергнутый англичанами.

⁷ Мой Вергилий из петербуржцев... – Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.) – римский поэт. Итальянский поэт Данте Алигьери (1265—1321) в поэме «Божественная комедия» (1307—1321) изобразил его как своего проводника по кругам ада. Здесь: проводник.

– Какой артист? Просто был лакеем, а теперь держит театр!

Поехали в другой сад:

– А здесь кто антрепренером?

– Тоже бывший лакей!

Поехали в третий, на бенефис антрепренера. Овации, подношения, речи...

– Ну, уж этот-то наверное...

Мой Вергилий смотрел на торжество, иронически улыбаясь:

– Каков подлец! Еще три года меня на целковый обсчитал, а теперь, смотрите, какие овации! Обругать бы тебя, каналью, чтобы не обсчитывал! А тебе – речи!

Поехали в четвертый сад.

– Ну, тут-то, надеюсь, театр артист держит?

– Ах, мой друг, разве можно такие наивные вопросы вслух задавать? Даже неловко с вами! Ну, какой же артист нынче летний театр держать станет? Это дело лакейское!

В конце концов, я даже возопил:

– Да что же у вас неужели, действительно, только одни лакеи летние театры держат?

– Нет, есть один и не лакей.

И он рассказал мне об одном исключении, выгодно выделяющемся среди этого лакейского правила.

Блестящее исключение из летних петербургских антрепренеров никогда не было лакеем. Оно занималось прежде

тем, что рассказывало сценки по портерным, иногда возвышаясь даже до игры в балаганах! Затем неожиданно получило большую сумму денег и стало держать театр.

Таким образом, и среди петербургских летних антрепренеров есть исключение.

Но ведь оно одно!

Остальные, все как на подбор, из бывших лакеев.

Это завелось сравнительно недавно.

Прежде Петербург летом увеселяли бывшие артисты: Лентовский, покойный Сетов⁸, хоть бы тот же Рауль Гинсбург.

Потом уже появился спрос на лакея.

И спрос до того сильный, что даже премудрая г-жа Неметти⁹ сдалась и уступила свое место какому-то господину, который на вопросы:

– Какое общественное положение занимали раньше?

Отвечает, говорят:

– Официальное!

Потому что бедняга путает официальное с «официантским». Конечно, по неграмотности!

⁸ *Сетов* (настоящая фамилия Сетгофер) Иосиф Яковлевич (1826—1893) – русский певец, оперный режиссёр и антрепренер.

⁹ *Неметти*, Линская-Неметта (настоящая фамилия Колышко) Вера Александровна (1857—1910) – русская актриса и антрепренер. В 1887 г. основала в Петербурге театр «Сад Неметти», где ставились комедийные и фарсовые пьесы. С 1903 г. владелица собственного театра, в котором шли главным образом оперетты.

Дело летнего увеселения петербуржцев стало таким образом делом исключительно лакейским. Никто, оказывается, так не может развеселить петербуржца, как лакей.

И это доказывается цифрами. Прежние антрепренеры, из артистов, иногда наживались, как г-жа Неметти и маркиз Гинсбург, но чаще прогорали, как Лентовский и Сетов. Антрепренеры из лакеев наживаются все сплошь, и никто никогда не слыхал о крахе антрепренера из лакеев.

Таково положение дел.

А впрочем, всякий город имеет таких антрепренеров, каких он заслуживает.

Это совершенно естественно и нормально, что в Петербурге успех имеют именно антрепренеры из лакеев.

Ни одна профессия в Петербурге вообще так хорошо не оплачивается, как лакейская.

И мне не в одной театральной среде приходилось слышать, что успех имеют только лакеи.

Мне приходилось видеть людей, приезжавших сюда с верными делами и уезжавших с отчаянием:

– Проиграл! Мой друг, я не умею холопствовать, бегать, кланяться, подкуривать, льстить, лакействовать!

Мне приходилось видеть людей способных, талантливых, приезжавших сюда служить и бежавших отсюда, сломя голову:

– Не могу! Я приехал делать дело. Я вижу ошибку и говорю: «ошибка». А мне отвечают: «Тс! Вы должны прекло-

няться! Вы должны находить все гениальным. Ведь это вот чья мысль! По нашему ведомству не может быть ошибок. Мы непогрешимы и верными шагами ведем к блестящему будущему». Я говорю: «Дело, господа, в действительности обстоит вовсе не так, как вы думаете, а вот как!» Мне отвечают: «Тс! Ни слова! Дело *должно* обстоять так-то и так-то. Не противоречьте!» Я бегу, я не умею достаточно быть лакеем.

Мне приходилось слышать от журналистов, бежавших без оглядки из редакций, где они работали:

– Да разве там можно высказывать свои мнения? Там требуется говорить, что угодно хозяевам и департаментским вдохновителям газеты!

Это во всех областях.

Нигде на искусство «потрафлять» нет такого спроса, как в Петербурге. И что удивительного, что в области театра лакеи, для которых «потрафлять» – профессия, имеют наибольший успех?

Я вовсе не хочу петь дифирамбов покойным Сетову или Лентовскому.

В то время, как они держали летние театры в Петербурге, они, конечно, находились в двоюродном родстве с богинями драмы и музыки. Драма и музыка приходились им только «кузинами по оперетке». Но они были в родстве с искусством.

И они выписывали для лета Цукки¹⁰ и Дель-Эру¹¹.

¹⁰ Цукки Вирджиния (1847—1930) – итальянская артистка балета. В 1885—

А теперешние лакеи «знакомят» Петербург летом только с «demi-mondaines»¹², умеющими полчаса стоять на голове.

Те были артисты и держали театры.

Если бы Лентовскому предложить выписать «просто demi-mondaine» и поставить ее в своем театре вверх ногами для привлечения публики, Лентовский дал бы за этот совет советчику по уху или просто, но нехорошо бы выругался, глядя по настроению и по бенедиктину.

Если бы то же самое предложение сделать Сетову, папа Сетов понюхал бы табачку и сказал:

– Знаете, mon cher¹³, со мной однажды был презанимательный случай в этом же роде. Знаете, подхожу я однажды, по глупости, к одному антрепренеру и предлагаю: «А что бы вам, mon cher, выписать, вместо артисток, просто девиц, которые бы, без всяких слов, стояли перед публикой на головах? Многие бы ходили смотреть?» Знаете, mon cher, что мне ответил этот антрепренер? Он сказал мне: «Пошел прочь, мерзавец! Я держу театр, а не скверный дом!» Вот, что мне ответил, mon cher, антрепренер на мое дурацкое предложение. Благодарю вас за совет, mon cher.

Даже Рауль Гинсбург, – хотя он теперь и пишет на карточ-

1892 г. гастролировала в России, выступала в Мариинском и в частных театрах Петербурга.

¹¹ *Дель Эра* Антуанетта (1861-?) – итальянская танцовщица, выступала на петербургской сцене.

¹² Женщины легкого поведения (*фр.*).

¹³ Мой дорогой (*фр.*).

как «маркиз», – имел некоторую совесть, конечно, не тогда, когда он рассказывал, как командовал французской армией!

Даже Рауль Гинсбург! Если бы какая-нибудь *mad'zelle* Фу-Фу¹⁴ предложила ему:

– Знаете что, *cher* маркиз! Хотите я, без дальних фраз, без лишних слов, возьму и встану на сцене вверх ногами, – и все!

Даже Рауль схватился бы за голову:

– Знаете что, *chère petite!*¹⁵ Доставьте это удовольствие мне и моим друзьям из прессы в отдельном кабинете! Но на сцене... Сцена, чтобы черт ее побрал, все-таки имеет свои требования. Что мы с ней ни делаем, но все-таки она, дьявол, имеет свои условия! На сцене... На сцене это, с горем вам говорю... нет, нет! Уйдите и не искушайте! На сцене это невозможно!

Потому что все-таки и Рауль Гинсбург, хотя и зарабатывал свой хлеб когда-то тем, что строил рожи, но все же делал это на сцене и держал все-таки театр.

А теперешний антрепренер лакей и держит крытое помещение, где «потрафляет».

– Сил Исаич! Что бы вам выписать в ваше учреждение Фу-фу!

– А из каких она?

– Так, вообще... «живет»... Ну, и на сцене может.

– Девица стало быть?

¹⁴ *Фу-фу* – жаргонное обозначение девицы легкого поведения.

¹⁵ Дорогая малышка (*фр.*).

– «Demi-mondaine».

– Что ж, эти самые «деми» – товар ходовой. Мы не гнушаемся. Поет что?

– Нет, она ничего не поет. А просто, так... Выйдет на сцену, станет, не сказав дурного слова, вверх ногами и стоит так даже по пятнадцати минут. Гениально!

– Стыд, стало быть, всякий потеряла? Что ж, сыпь, можно! Ежели, впрямь, подолгу вверх ногами стоять будет – потрафит, и учрежденья не замазает!

Уровень петербургской публики вообще не высок. Это вы можете видеть особенно ясно, когда петербуржцы шатаются за границей.

Не всякий петербуржец, бывавший в Париже, бывал в Comédie Française. Но всякий знает наизусть репертуар «Ambassadeurs», хотя по разу был в Marigny, Horloge, Moulin Rouge, Casino de Paris, а в «Олимпии»¹⁶, когда там какая-то дама раздевалась, изображая «первую ночь новобрачной», – всякий был даже 2 раза.

И особым пристрастием «по этой части» отличаются петербургские дамы. Здесь это неловко. Но зато, попавши за границу, они «наверстывают потерянное» и таскают мужей по кафешантанам с утра до ночи.

Даже «утренники» в Париже посещают.

– В чужом отечестве что ж стесняться!

¹⁶ «Ambassadeurs», Marigny, Horloge, MoulinRouge, CasinodeParis, «Олимпия» – модные парижские кафешантаны.

Один чешский писатель даже с ужасом мне рассказывал:

– Приезжает в Прагу русское высокоинтеллигентное семейство. Я им рассказываю – у нас то-то есть, то-то стоит посмотреть, а они, в первый же вечер, с дамами – вообразите! – в «срамовку». И во второй – туда же и в третий!

Наивная страна! Там кафешантан называется «срамовкой», а кафешантанные «этуали»¹⁷ – «срамницами». Ей Богу! Так и в афишах пишут:

– Сегодня в срамовке такой-то состоится вечер с участием срамницы такой-то.

Вот страна!

При таком непременно стремлении к «срамовке» и «срамницам» антрепренеры из артистов, вроде Лентовского, Сетова, были Петербургу как-то не по плечу.

Даже стеснительны!

Словно заехал человек в глухой кавказский аул, где все жители – князья. Ну, как сказать человеку:

– Ваше сиятельство, скиньте мне сапоги!

Ну, как было сказать человеку, все-таки артисту, и вдруг:

– А нельзя ли пригласить мамзель?

По причинам, уже выше указанным, неудобно и даже небезопасно.

Шут его знает, как с ним, с артистом, разговаривать! У них там какие-то свои правила, своя амбиция особенная есть!

¹⁷ *Этуаль* – модная артистка развлекательного амплуа.

А как с лакеями разговаривать всякий из нас знает.

И Петербург был бы совершенно счастлив, если бы везде и всюду сидели только лакеи.

Мигнул – и кончено.

С антрепренерами-лакеями Петербург почувствовал себя великолепно.

– Что-то, братец, мне скучно. Пригласил б ты мне...

– Не прикажете ли пригласить мамзель Фу-Фу. Всякий стыд потерявши. Сейчас, ни слова не говоря, вверх ногами. Многие господа одобряют.

– Сыпь.

– В момент-с!

– Молодчина, брат. Без слов почти понимаешь!

– Помилте, нам ли не знать, что господам требуется.

За сие уменье потрафить и бывают антрепренеры из лакеев награждаемы истинно «по-барски».

Лакейский характер сезона звучал во всем.

Никогда еще мы не видали таких лакейски-безграмотных афиш:

«Неподражаемо-экстравангантная belle¹⁸ этуальранга-премьер, нек-плюс-ультра».

Эпитеты, словно лакей карточку вин выхваляет:

– Мадера-с вье трегого¹⁹ многие гости «обожают». Лакейский характер сезона звучал в газетных извещениях о гото-

¹⁸ Прекрасная (*фр.*).

¹⁹ От французского *très vieux* – очень старая.

вющихся «экстра-галя-представлениях»:

«Дирекция сада „Заводиловки“, поистине, не щадя трудов и издержек, прибавила новый сенсационный номер к своей ультра-небывалой программе. Сегодня на сцене указанного учреждения состоится европейски небывалый монстр-галя спектакль: выступает в первый раз красавица Санкюлот, которая будет стоять на голове целых полчаса перед всей публикой. Интерес зрелища усиливается тем, что красавица Санкюлот – не кто иная, как дочь испанского герцога Сиерра-Морена, сбежавшая из родительского дома, ради стремления ходить непременно на голове, что, говорят, несовместимо с испанским этикетом, очень строгим на этот счет».

Ну, скажите, разве не лакей диктовал почтенному русскому писателю эту заметку?

Ибо, что такое для лакея дочь испанского герцога?

– Бывают, что и из генеральских дочерей в такую жизнь попадают!

Так рассуждает лакей и диктует почтенному русскому писателю:

– Сыпь! Пиши, что испанская ерцогиня на голове стоять будет! Фурористее!

На днях мне пришлось быть в одном из наших летних эдемов.

Шла оперетка, и шла даже прилично. Все играли так себе, нельзя сказать, чтобы уж очень омерзительно, а толстый комик – даже недурно. Разговаривал по-человечески и уж в

сомнение приводить начал.

– Неужели он так-таки и хочет прилично провести себя все время, и хоть для финала не выкинет никакой штуки, предназначенной, выражаясь словами Толстого, «для увеселения молодых лакеев»²⁰?

И вот наконец-то!

Толстый человек все время вел себя как следует и не радовал публики, но, уходя со сцены, – секунду подождать оставалось! – не вытерпел, поднял фалду, декольтировался, так сказать, с другой стороны и крикнул:

– Colossal!²¹

«Зал дрогнул от рукоплесканий». Актер был вызван всем театром.

Молодые лакеи получили свою порцию. Лакейский характер сезона был все же соблюден.

Этот сезон, оборудованный и устроенный исключительно лакеями и приноровленный под вкус молодых, загулявших и «ищущих безобразия» лакеев, лакейски же и заканчивается.

Сады переживают период холодов и бенефисов:

– Бенефис антрепренера.

– Бенефис владельцев сада.

– Бенефис кассира...

– Контролеров.

²⁰ ...выражаясь словами Толстого, «для увеселения молодых лакеев»? – цитата из пьесы Л.Н. Толстого «Плоды просвещения».

²¹ Грандиозно! (ит.).

– Капельдинеров. Самый лакейский финал!

Словно вы кончили ужин в отдельном кабинете и выходите. В коридоре целая шеренга:

– На чаек бы с вашей милости!

– Тебе за что?

– Помилте! Этуваль, которая вверх тормашками, для вас приглашал. Бегал, старался!

– Ты кто?

– Мы при одеже состоим.

– Это еще что?

– Кипажи выкликаю!

– А этот маленький зачем?

– А этот так-с. Махонький, а уж в лакеях. Соблаговолите что-нибудь на чаишко!

Это последний аккорд умирающего летнего сезона.

Бенефисы, даваемые «на чай» антрепренерам, кассирам, главным распорядителям, контролерам, администраторам, капельдинерам, литературным секретарям, служащим при уборных и прочей челяди, которая кормится при стоящих вверх ногами «этувалях» и отпускающих лакейские остроты комиках.

Еще несколько дней, и мы прочтем в газетах:

«Вчера, при 7 градусах холода, в саду „Кунавино“ состоялся бенефис старшего официанта, не безызвестного нашей веселящейся публике под именем „Керима“, а также „распроканалы“. Глава местных официантов был предметом вос-

торженных овадий. Его чествовали во всех театрах и углах учреждения. Были поднесены: два лавровых венка, выигранный билет по подписке „от пьяной, но признательной публики“, как сказано на лентах, полуимпериал от одного известного представителя жуирующей публики „за особые заслуги“, самовар от благодарных этуалей, полное собрание сочинений Шекспира от опереточной труппы, серебряный венок от балетной и подержанная оттоманка от шансонетных певиц. Кроме того, была поднесена рюмка коньяку от буфетчика, он же антрепренер. На следующий сезон, как мы слышали, почтенный Керим, он же „распроканалья“, бросает официантскую профессию и заводит свой собственный летний театр».

Это будет последней нотой лакейского сезона. Мы вступаем в солидный, серьезный зимний, и публика, умевшая ценить стоящих вверх ногами Фу-Фу, будет оценивать русских и иностранных писателей и игру артистов.